

Подросток о возможности включения представителей другой национальности в круг значимых других

*Владимир Собкин
Мария Смылова*

Среди психологических исследований по проблемам толерантности можно выделить четыре основных подхода: толерантность как психологическая устойчивость, как совокупность индивидуальных качеств, как система личностных и групповых ценностей и как система позитивных установок в рамках социального взаимодействия (11). Мы рассматриваем толерантность как систему установок, определяющих отношение к представителям разных национальностей.

В этом контексте важным является вопрос о социальной дистанции, которая характеризует степень близости или отдаленности друг от друга различных социальных групп. Как правило, именно на основе представлений о социальной дистанции строятся шкалы и опросники, посвященные изучению межнациональной толерантности, где предлагается оценить, насколько допустимо, чтобы представитель той или иной национальности стал для респондента супругом, соседом, коллегой по работе и т. п. Иными словами, в этих опросниках оценивается возможность включения представителей той или иной национальности на соответствующий уровень социального взаимодействия.

При изучении особенностей проявления межнациональной толерантности важно учитывать характер тех ситуаций, которые могут обуславливать актуализацию национальной проблематики. В данной статье мы рассмотрим национальные предпочтения школьников относительно значимых других в их микросоциальном окружении (при выборе друзей и при оценке возможности заключения брака с представителем другой национальности).

Статья основана на материалах кросскультурного исследования, проведённого в 2010 году Институтом социологии образования РАО совместно с Рижской Академией педагогики и управления образованием. Анкетный опрос проводился среди учащихся Москвы и Риги. При этом в Риге были сформированы две подвыборки, одну из которых составили ученики школ с русским языком обучения, а вторую – учащиеся рижских школ с латышским языком обучения. Выделение учащихся школ национальных меньшинств (в нашем случае – русскоязычных) в качестве отдельной подвыборки имеет принципиальное значение для данного исследования, поскольку позволяет рассмотреть мнения русских, находящихся в особой социокультурной ситуации, когда их статус характеризуется принадлежностью к национальному меньшинству.

Ключевые слова: пубертатный период, межнациональная толерантность, социальная дистанция, микросоциальное окружение.

Один из ключевых моментов нашего исследования касается влияния национального статуса (принадлежности к национальному большинству, меньшинству или группе детей от смешанных браков) на отношение к возможности включения представителей тех или иных национальностей в круг близких друзей и возможность заключения брака с представителем другой национальности. В этой связи в ходе анализа полученных материалов мы использовали данные ответов на вопросы, при ответе на которые респондентов просили указать свою национальность, а также национальность отца и матери. Результаты ответов на эти вопросы позволили нам выделить три подгруппы респондентов: представители национального большинства, представители национальных меньшинств и дети от смешанных браков представителей национального большинства с представителями других национальностей. В московской подвыборке – это следующие три группы респондентов: русские, представители национальных меньшинств и дети от смешанных браков представителей национальных меньшинств с русскими. В Риге – латыши, представители национальных меньшинств, большую часть из которых представляют русские (95,0%), и дети от смешанных браков латышей с представителями других национальностей. Процентное распределение этих групп респондентов в Москве и Риге приведено в таблице 1.

Таблица 1.

**РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПОДВЫБОРОК СТАРШЕКЛАССНИКОВ
В МОСКВЕ И РИГЕ (%)**

	<i>Ученики московских школ</i>	<i>Ученики рижских школ с латышским языком обучения</i>	<i>Ученики школ с русским языком обучения</i>
Представители национального большинства	77,1	84,4	1,8
Дети от смешанных браков представителей национального большинства и меньшинства	10,2	9,8	15,1
Представители национального меньшинства	12,7	5,8	83,1

Приведенные в таблице 1 данные показывают, что мы имеем возможность провести корректный статистический анализ результатов ответов на вопрос о возможности вступления в брак с представителем другой национальности с учетом влияния двух факторов: национального статуса (национальное большинство, дети от смешанных браков, национальное меньшинство) и социокультурного контекста обучения (московские общеобразовательные школы, школы национального большинства и школы национального меньшинства в Риге).

Подросток о возможности заключения межнационального брака

Предваряя основное содержание данной части статьи, стоит обозначить три момента, определяющие наш интерес к мнению подростков о возможности заключения межнационального брака.

Во-первых, сам вопрос о браке для подростка, как правило, не связан с его актуальной жизненной ситуацией, а рассматривается им с точки зрения своих жизненных перспектив. При этом стоит отметить особую значимость семьи и межличностных отношений в структуре ценностей подростка, поскольку интимно личностное общение является ведущей деятельностью на данном возрастном этапе (1; 2; 3; 15). Таким образом, именно в подростковом возрасте актуализи-

руется потребность в установлении интимно-личностных отношений и поиске другого, при этом будущая супружеская жизнь выступает в качестве идеального представления об отношении с другим и входит в круг тех представлений подростка, которые определяют его жизненные перспективы и планы. Добавим, что по данным социологических опросов значимость счастливой семейной жизни входит у старшеклассников в ядро наиболее значимых жизненных ценностей (значимость „счастливой семейной жизни“ отмечают 54,7% старшеклассников) (7).

Во-вторых, помимо индивидуальных характеристик, способностей, морально-нравственных качеств в подростковом возрасте при определении значимых других особое внимание начинает уделяться и собственно социальным характеристикам, таким как социальный статус, национальная принадлежность и др., которые определяют допустимость включения тех или иных людей в ближайшее окружение.

Супружество (включение в состав своей семьи) рассматривается как минимальная дистанция в социальном взаимодействии, определяя наиболее высокий уровень межнациональной толерантности (5; 16). В этом отношении готовность подростка к вступлению в брак с представителем другой национальности представляет для нас особый интерес.

В-третьих, само вступление в межнациональный брак в сознании подростка может быть связано с целым рядом различных социальных и психологических барьеров. Так, например, брак с представителем другой национальности может вызвать негативную реакцию со стороны близких родственников, которые не желают принимать „чужого“ в качестве члена своей семьи. Другим характерным барьером может выступать представление о том, что дети от межнациональных браков могут столкнуться со сложностями национальной самоидентификации, иметь множественную или диффузную национальную идентичность. Возможна и другая ситуация, когда заключение брака с представителем другой национальности выступает как угроза для собственной национальной самоидентификации. На негативное отношение к возможности заключения межнационального брака также могут влиять религиозные и культурные различия между представителями разных национальностей: межнациональный брак нарушает религиозные и национальные традиции. Помимо вышеназванных

барьеров, для подростка перспектива заключения брака с представителем другой национальности может быть связана со сменой социального статуса, поскольку некоторым национальностям может приписываться более низкий (или, напротив, более высокий) статус в социальной структуре общества. В этой связи подчеркнем, что отношение подростка к возможности заключения брака с представителем другой национальности может определяться социокультурной ситуацией, его принадлежностью к представителям национального большинства или меньшинства и его самоидентификацией, в частности, позитивным (или негативным) эмоциональным отношением к собственной национальной принадлежности. Таким образом обозначенные выше моменты затрагивают вопрос о значимости тех или иных барьеров, препятствующих вступлению в брак с представителем другой национальности. Это и является предметом настоящего исследования.

Для выявления отношения подростков к перспективе включения представителей другой национальности в свое ближайшее социальное окружение особое значение представляют те мотивировки, которыми обуславливается неготовность заключить брак с представителем другой национальности. В этой связи респондентам был предложен вопрос: „Считаете ли Вы для себя возможным вступление в брак с представителем другой национальности?“. Предложенные варианты ответов не только учитывают допустимость вступления в брак, но и фиксируют различные виды мотивировок, которые используют подростки, обосновывая свой отказ от рассмотрения возможности заключения межнационального брака.

Эти мотивировки имеют определенную структуру и фиксируют различные социальные и психологические барьеры. Так, вариант ответа „нет, это неизбежно вызовет конфликты в семье“ позволяет говорить о жестком социальном контроле на уровне семейных отношений, когда проявляется общая охранительная установка относительно включения в круг внутрисемейных отношений „чужаков“. Причем этот контроль проявляется непосредственно на поведенческом уровне.

Другой, более мягкий вариант ответа «нет, потому что я не могу нарушить семейные традиции» также связан с достаточно жестким социальным контролем, который, однако, реализуется не столько на поведенческом, сколько на идеологическом уровне. Заметим, что, на

наш взгляд, выбор подобного варианта ответа может быть наиболее приемлем для подростков, относящихся к группам различных национальных меньшинств, для которых сохранение традиций, ценностей, норм своего народа и заключение брака с представителем собственной национальности связаны с сохранением национальной идентичности и стремлением избежать ассимиляции с представителями национального большинства.

Выбор ответа „нет, так как я не хочу, чтобы дети столкнулись с проблемой выбора национальности” отражает возможные опасения респондентов относительно возникновения трудностей национального самоопределения у детей от смешанных браков. Возможно, подобный вариант ответа будет характерен для тех респондентов, чьи родители являются представителями разных национальностей.

Вариант ответа „нет, так как я хочу, чтобы мои дети были той же национальности” характеризует сформировавшуюся охранительную позицию самого подростка, когда национальная идентичность представляет для него особую ценностную значимость.

Вариант ответа „да, потому что я не хочу, чтобы супруга(а) был(а) моей национальности” фиксирует особую защитную реакцию, связанную с „разынтеграцией” с той национальной общностью, к которой принадлежит респондент.

И наконец, последний вариант ответа „для меня национальность супруга(и) не будет иметь значения” отражает безразличное отношение к национальности при включении тех или иных людей в группу ближайшего окружения подростка.

Московские учащиеся об отношении к возможности заключения брака с представителем другой национальности

Полученные данные показывают, что почти половина респондентов (42,8%) фиксирует наличие тех или иных барьеров, препятствующих заключению брака с представителем другой национальности. В соответствии с обозначенными выше линиями анализа особый интерес представляет сопоставление ответов школьников в зависимости от национального статуса. Для этого сравним ответы трех групп учащихся: принадлежащих к национальному большинству, националь-

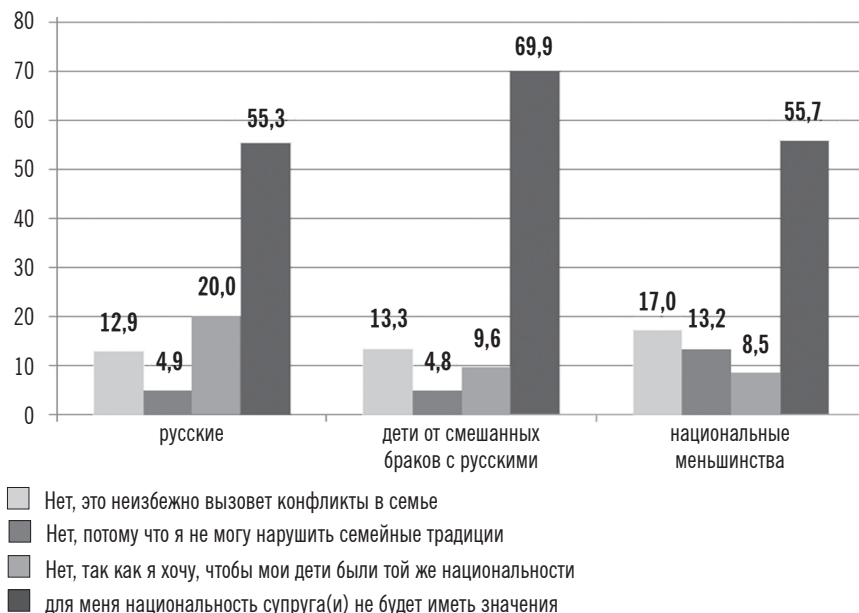

Рис. 1. Распределение ответов учащихся московских школ об отношении к возможности вступления в брак с представителем другой национальности (%)

ному меньшинству и группе детей от смешанных браков русских с представителями национальных меньшинств (см. рисунок 1).

Приведенные на рисунке 1 данные показывают, что во всех трех группах более половины респондентов не склонны придавать особого значения национальной принадлежности, выбирая вариант ответа „для меня национальность супруга(и) не будет иметь значения“. Характерно, что данной позиции значительно чаще придерживаются дети от смешанных браков – 69,9% (для сравнения: среди русских таких 55,3%, среди национальных меньшинств – 55,7%, $p \leq .05$). Подобное отношение к национальности при выборе супруга в этой группе детей можно объяснить влиянием сформировавшейся у них „множественной“ национальной идентичности. Действительно, неопределенность в вопросе собственной национальной принадлежности нивелирует ценностную значимость фиксации национальных границ.

Совершенно иначе выглядят ответы представителей национального меньшинства. Как видно из рисунка 1, здесь явно выражены охранительные установки. Причем особенно ярко они проявляются не столько на поведенческом („неизбежно вызовет конфликты в семье“), сколько на идеологическом уровне. Так, среди представителей национальных меньшинств 13,2% называют в качестве барьера для вступления в брак с представителем другой национальности нарушение семейных традиций (для сравнения: среди русских таких 4,9%, среди детей от смешанных браков – 4,8%, $p=.001$). Таким образом, восьмая часть представителей национальных меньшинств, оценивая возможность заключения брака с представителем другой национальности, склонна прибегать не к адаптации как эффективной культурной стратегии, а к стремлению сохранить общность и однородность своей национальной группы. В целом же с учетом доли тех, кто считает, что брак с представителем другой национальности „неизбежно вызовет конфликты в семье“ (а таких среди представителей национального меньшинства 17,0%), можно сделать вывод о том, что суммарно каждый третий подросток, относящийся к национальному меньшинству, фиксирует наличие в своей семье охранительных антиассимиляционных установок. В группах же представителей национального большинства и детей от смешанных браков доля подобных ответов практически в два раза меньше.

Важно обратить внимание и на гендерные различия, проявившиеся в ответах представителей национальных меньшинств. Так, девочки значительно чаще (20,4%), чем мальчики (5,4%) называют нарушение семейных традиций основным барьером к заключению межнационального брака ($p=.02$). На наш взгляд, этот результат фиксирует более высокую нормативность девушек – представительниц национального меньшинства в соблюдении семейных традиций, регулирующих нормы брачных отношений. Возможно, это связано с тем, что национальность у большинства народов наследуется по отцу. Соответственно мужчина при заключении брака с представительницей другой национальности передаст своим детям ту национальность, к которой он сам принадлежит. У девушек, заключивших брак с представителем другой национальности, ситуация иная: вероятность, что их дети будут формально иметь национальность отца, гораздо выше. В этой связи, повторимся, более высокая нормативность в соблюдении семейных традиций при заключении брачных отношений у девушек вполне объяснима.

И наконец, особый интерес представляют данные, касающиеся выбора варианта ответа „я хочу, чтобы мои дети были той же национальности, что и я”. Как видно из рисунка 1, его выбирает каждый пятый представитель национального большинства (в группе русских школьников их доля 20,0%). Среди детей от смешанных браков и в группе представителей национальных меньшинств таких в два раза меньше – 9,6% и 8,5% соответственно, $p=.02$. Таким образом, у представителей национального большинства более выражена внутренняя мотивация отказа от перспективы заключения брака с представителем другой национальности. На наш взгляд, этот момент крайне важен при сопоставлении с ответами учащихся из группы национальных меньшинств. Действительно, если представители национальных меньшинств склонны в качестве преграды для вступления в межнациональный брак указывать на контроль со стороны семьи (семейный конфликт, традиции), т. е. на внешние барьеры, то для представителей национального большинства в качестве главного аргумента чаще всего выступает собственное желание: „я хочу, чтобы мои дети были той же национальности, что и я”.

Особый интерес представляет анализ влияния на мнение учащихся о возможности вступления в брак с представителем иной национальности отношения к собственной национальной принадлежности. С этой целью респондентам был предложен специальный вопрос: „Каково Ваше отношение к собственной национальности?”, – предусматривающий три варианта ответа: „позитивное”, „нейтральное” и „негативное”. Характерно, что те школьники, которые фиксируют нейтральное или негативное отношение к собственной национальности, чаще, чем те, кто „гордится” ею, отмечают, что для них национальность будущего супруга(и) не будет иметь значения (75,2% и 46,1% соответственно, $p=.0000$).

При этом школьники, гордящиеся собственной национальной принадлежностью, в качестве барьера для вступления в брак с представителем другой национальности чаще указывают на конфликты в семье – 17,8% (среди нейтрально относящихся к собственной национальности – 6,5%, $p=.0000$) либо на желание, чтобы их дети были той же национальности – 22,1% (для сравнения: нейтрально относящиеся к собственной национальности – 8,8%, $p=.0000$). Иными словами, здесь усиливается значимость как внешних, так и внутренних барьеров, характерных для представителей национального меньшинства и большинства.

Учащиеся рижских школ об отношении к возможности заключения брака с представителем другой национальности

Особый интерес представляет рассмотрение особенностей отношения к браку с представителем другой национальности у детей из рижских общеобразовательных школ, где преподавание ведется на латышском языке. Напомним, что основную долю здесь составляют латыши – 84,4%, доля детей от смешанных браков с латышами в этих школах составляет 9,8%, а представителей национального меньшинства – 5,8%. Распределение ответов на вопрос о возможности вступления в брак с представителем другой национальности в этих группах респондентов приведено на рисунке 2.

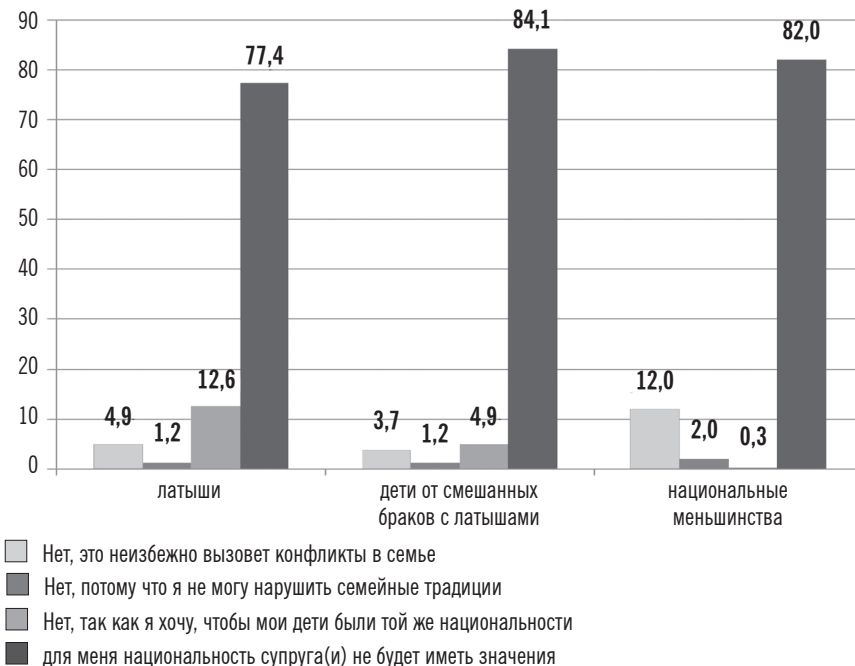

Рис. 2. Ответы учеников рижских школ с латышским языком обучения об отношении к возможности вступления в брак с представителем другой национальности (%)

Как видно из рисунка 2, подавляющее большинство учащихся рижских школ с латышским языком обучения считает, что для них „национальность супруга(и) не будет иметь значения“. Причем это характерно для всех трех групп учащихся: латышей, детей от смешанных браков с латышами, представителей национальных меньшинств. Следует обратить внимание на то, что по сравнению с опросом москвичей данный вариант ответа выбирается гораздо чаще (см. рисунок 1), что позволяет сделать вывод о большей толерантности рижских подростков из общеобразовательных школ при решении вопроса о возможности вступления в межнациональный брак.

Вместе с тем приведенные данные показывают, что в целом при ответе на вопрос о вступлении в межнациональный брак у представителей национального большинства и национальных меньшинств проявились те же две тенденции, что и в ответах москвичей. Первая состоит в том, что представители национального меньшинства чаще, чем представители национального большинства, склонны фиксировать в качестве барьера внешние факторы, касающиеся семьи, считая, в частности, что межнациональный брак „неизбежно вызовет конфликты в семье“ (12,0% и 4,9% соответственно, $p = .03$). В то же время заметим, что в отличие от национальных меньшинств, проживающих в Москве, представители национальных меньшинств в Риге практически не ссылаются на такой тип социальных барьеров, как семейные традиции. На наш взгляд, это может быть связано с тем, что сами культуры, к которым принадлежат национальные меньшинства, в Москве и Риге принципиально отличаются.

Вторая тенденция состоит в том, что представители национального большинства (латыши) чаще выбирают в качестве барьера для вступления в межнациональный брак желание, чтобы их дети были той же национальности, что и они (12,66% и 0,3% соответственно, $p = .008$).

Специальный анализ ответов учащихся школ Риги с русским языком обучения выявляет явное доминирование ответа „для меня национальность супруга(и) не будет иметь значения“, который выбирают 86,7% латышей, 85,0% детей от смешанных браков с латышами и 82,5% представителей национальных меньшинств.

Итак, полученные результаты ответов школьников на вопрос о возможности заключения межнационального брака позволяют сделать несколько выводов.

1. Для большей части школьников Москвы и Риги национальность будущего супруга не имеет особого значения. При этом отношение к заключению брака с представителем другой национальности обусловлено влиянием общего социокультурного контекста. Так, ученики рижских школ в целом более толерантны относительно возможности вступления в межнациональный брак, чем ученики московских школ.

2. На отношение к вступлению в брак с представителем другой национальности влияет принадлежность респондентов к национальному большинству или национальному меньшинству. При этом внешние социальные барьеры (мнение семьи и традиции) чаще указывают представители национального меньшинства. Внутренняя охранительная установка (желание, чтобы дети были той же национальности) более характерна для представителей национально большинства. Обе эти тенденции явно проявились как в Москве, так и в Риге.

3. Особый интерес представляет вопрос о влиянии эмоционального отношения к собственной национальной принадлежности. Полученные данные позволяют говорить о том, что выраженная позитивная эмоциональная самоидентификация усиливает ориентацию как на внешние, так и на внутренние барьеры, препятствующие вступлению в межнациональный брак. Однако, в данном случае можно говорить лишь о тенденции, которая нуждается в более глубоком и тщательном анализе. В то же время этот сюжет имеет крайне важное значение при организации воспитательного процесса, в формировании толерантного отношения к представителям других национальных культур.

Подросток о значимости национальности при выборе близких друзей

В этой части статьи мы затронем сюжет, касающийся национальных предпочтений школьников при выборе друзей. В этой связи важно отметить, что дружба для подростка является одной из наиболее значимых жизненных ценностей, а проблема включения сверстников в микросоциальное окружение приобретает особую важность, поскольку именно „значимые другие“ играют важную роль в лич-

ностном самоопределении (и, в частности, национальном). Именно в связи с поиском идентичности возникает вопрос о возможности (или невозможности) включения в ближайшее окружение представителей различных национальных групп. При этом, включение представителей разных национальностей в круг „значимых других“, с одной стороны, связано с актуальной жизненной ситуацией подростка, его предпочтениями в общении, а с другой, с ожиданиями реакций со стороны ближайшего окружения на общение с представителями тех или иных национальностей. Подчеркнем, что значимость национальности при выборе друзей, а также ценность тех или иных групп в иерархии национальных предпочтений подростка могут определяться социокультурной ситуацией подростка, его принадлежностью к представителям национального большинства или меньшинства.

На наш взгляд, при изучении проявлений национальной толерантности адекватным показателем может выступать желание или нежелание подростков включать в группу ближайшего окружения представителей тех или иных национальностей. В этой связи респондентам был предложен полуоткрытый вопрос о том, представители каких национальностей могли бы (или не могли) стать их близкими друзьями. Респонденты имели возможность называть национальности, представителей которых они хотели бы видеть среди своих друзей (полюс принятия); национальности, представителей которых они не хотели бы включать в круг своих друзей (полюс непринятия) или выбрать закрытый вариант ответа „национальность для меня не имеет значения при выборе близких друзей“.

Безразличие к национальности при выборе друзей

Рассмотрим особенности выбора респондентами закрытого варианта ответа „для меня национальность не имеет значения при выборе друзей“. На него указывает большая часть (две трети) школьников Москвы и Риги (учащиеся московских школ – 72,9%, учащиеся рижских школ с латышским языком обучения – 68,9%, учащиеся рижских школ с русским языком обучения – 70,7%). Таким образом, для большинства подростков национальная принадлежность не является фактором, определяющим выбор друзей. Вместе с тем, более детальный анализ позволяет выделить ряд характерных моментов (см. табл. 2).

Таблица 2.

**РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТА „НАЦИОНАЛЬНОСТЬ ДЛЯ МЕНЯ НЕ ИМЕЕТ
ЗНАЧЕНИЯ ПРИ ВЫБОРЕ БЛИЗКИХ ДРУЗЕЙ”
СРЕДИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ МОСКВЫ И РИГИ (%)**

	<i>Ученики московских школ</i>	<i>Ученики рижских школ</i>
Представители национального большинства	70,0	67,3
Дети от смешанных браков	79,3	74,4
Представители национальных меньшинств	82,6	71,8

Из таблицы 2 видно, что представители национальных меньшинств и дети от смешанных браков как в Москве, так и в Риге чаще не придают значения национальности своих друзей, чем представители национального большинства (в Москве: представители национальных меньшинств – 82,6%, дети от смешанных браков 79,3%, а представители национального большинства – 70,0%, $p = .0000$; в Риге: представители национальных меньшинств – 71,8%, дети от смешанных браков 74,4%, представители же национального большинства – 67,3%, $p \leq .002$). Более высокую долю „безразличных” по отношению к национальности при выборе друзей среди представителей национальных меньшинств можно объяснить особой социокультурной ситуацией, определяющей их повседневное взаимодействие. В этой ситуации открытость общению с представителями других национальностей (или манифестируемое безразличие к национальности при выборе друзей) является важным условием нормальной социализации, позволяя подростку эффективно взаимодействовать в группе сверстников, большая часть которых принадлежит к национальности большинства. Индифферентное же отношение к вопросу национальности при выборе друзей среди детей от смешанных браков можно объяснить иначе: здесь на безразличие к национальности других, возможно, оказывает влияние „множественная” национальная идентичность (связанная с неопределенностью собственной национальной принадлежности).

Важно также обратить внимание на существенное различие в выборе данного варианта ответа представителями национальных меньшинств в Москве и Риге (соответственно: 82,6% и 71,8%, $p = .0000$).

Этот результат можно интерпретировать следующим образом: в Риге национальное меньшинство (преимущественно русские) составляет достаточно большую по своей численности группу. Вследствие этого представители национального меньшинства в рижских школах имеют больше возможностей для выбора друзей среди сверстников своей национальности, чем представители национальных меньшинств в московских школах (для которых ориентация на выбор друзей по национальному сходству значительно сужает круг общения). Добавим, что ответы представителей национального меньшинства в Риге (русских) практически идентичны ответам национального большинства (русских) в Москве.

Позитивное отношение к включению представителей других национальностей в ближайшее окружение

Особый интерес представляет рассмотрение ответов тех школьников, кто сориентирован на значимость национальности при выборе друзей. Так, среди учеников московских школ таких 13,7%. Среди рижан их доля заметно выше: в школах с русским языком обучения их 19,6%, в школах с латышским языком обучения 23,3%.

Анализ ответов показывает, что спектр указанных школьниками национальностей достаточно широк. При этом наряду с конкретными национальностями часто назывались этносоциальные, религиозные или расовые стереотипы („кавказцы“, „мусульмане“, „чернокожие“). В результате контент-анализа ответы московских школьников были сгруппированы нами в более крупные блоки: русские, россияне (куда вошли представители титульных наций, проживающие на территории РФ), представители Ближнего зарубежья (страны бывшего СССР), представители Дальнего зарубежья (сюда вошли представители стран Европы, Америки и др.) и этностереотипы.

Анализ полученных материалов показывает, что значительная часть учащихся московских школ хотела бы дружить с представителями национального большинства – русскими (38,2%); 43,2% московских школьников указали представителей стран Дальнего зарубежья, 8,9% – представителей стран бывшего СССР (представителей Ближнего зарубежья – украинцев, армян, белорусов, грузин и др.) и 8,8% ответивших на данный вопрос школьников вместо национальной

принадлежности указали различные (этносоциальные, религиозные, расовые) стереотипы. Следует подчеркнуть, что представителей титульных наций, проживающих на территории РФ и являющихся россиянами (татар, чеченцев и др.), школьники называли достаточно редко (8,7%). Таким образом, приведенные результаты показывают, что в круг „значимых других“ московские подростки, как правило, готовы включать представителей национального большинства и представителей стран Запада.

Особый интерес представляет сопоставление ответов учащихся московских и рижских школ (см. рисунок 3).

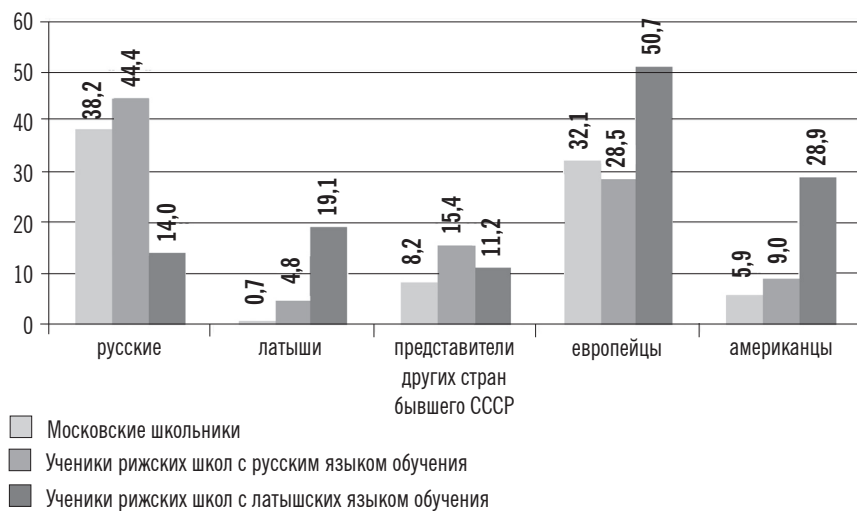

Рис. 3. Распределение ответов старшеклассников Москвы и Риги на вопрос о том, представители каких национальностей могли бы стать их близкими друзьями

Как видно из рисунка 3, московские школьники и учащиеся рижских школ с русским языком обучения в большей степени ориентированы на включение в круг своих друзей представителей своей национальности – русских (соответственно: 38,2% и 44,4%). Учащиеся же рижских школ с латышским языком обучения ориентируются на включение русских в круг своих друзей существенно реже (14,0%). В принципе, подобный результат вполне ожидаем, поскольку фикси-

рует ориентацию подростка на включение в круг „значимых других” именно представителей своей национальности. Однако этот вывод требует уточнений, причем весьма существенных. Так, если мы продолжим анализ ответов учащихся школ Риги с латышским языком обучения, то заметим, что среди них ориентация на выбор латышей отнюдь не доминирует: представителей своей национальности называет всего 19,1% старшеклассников. При этом существенно чаще называются представители национальностей стран Европы – 50,7% (для сравнения: среди московских школьников – 32,1%, среди учащихся рижских школ с русским языком обучения – 28,5%) и американцы – 28,9% (для сравнения: среди московских школьников – 5,9%, среди учащихся рижских школ с русским языком обучения – 9,0%). В целом, эти приведенные данные позволяют сделать важный, с нашей точки зрения, вывод о влиянии социокультурных факторов на формирование установок к межнациональному взаимодействию. Так, учащиеся „русских” школ Риги схожи в своих ориентациях с московскими школьниками. Учащиеся же рижских школ с латышским языком обучения выражают большую готовность к межличностному взаимодействию с представителями стран Запада. Подобные различия обусловлены историческим, культурным и политическим контекстами.

Другой вывод, который можно сделать на основе приведенных данных, касается сопоставления мнений учащихся „латышских” и „русских” школ Риги. Здесь особое внимание следует обратить на то, что латышские и русские школьники в Риге не сориентированы на включение друг друга в свое ближайшее окружение. Так, русских среди своих друзей желают видеть 14,0% учащихся школ с латышским языком обучения, латышей же готовы включить в круг близких друзей лишь 4,8% учащихся школ с русским языком обучения. Подобное соотношение свидетельствует о сложности межличностных взаимоотношений между латышскими и русскими подростками, проживающими в Риге.

Негативное отношение к включению представителей других национальностей в ближайшее окружение

Не хотели бы видеть среди своих друзей представителей тех или иных национальностей 13,0% учеников московских школ, 12,4% учеников рижских школ с русским языком обучения и 22,3% учеников

рижских школ с латышским языком обучения. Национальности, указанные в ответах московских школьников, так же, как и при анализе предпочтений, были сгруппированы в соответствующие блоки: русские, россияне, представители Ближнего зарубежья, представители Дальнего зарубежья и этностереотипы.

Характерно, что при фиксации негативного отношения к представителям тех или иных национальностей московские школьники чаще всего указывали этностереотипы – 32,6% (причем 90% указанных стереотипов составляют „кавказцы“). Подчеркнем, что в этностереотипах обычно фиксируются оценочные мнения, предрассудки и предубеждения относительно тех или иных групп (для сравнения напомним, что в ситуации принятия этностереотипы использовались в четыре раза реже – 8,8%).

На втором месте по частоте упоминаний находится блок, объединяющий представителей стран Ближнего зарубежья – 27,7%. Выраженное негативное отношение к представителям стран бывшего СССР может быть обусловлено, по меньшей мере, тремя обстоятельствами: выходом этих стран из Союза, межнациональными конфликтами (карабахский конфликт, грузино-абхазский конфликт, осетино-ингушский конфликт и т. д.), и трудовой миграцией представителей стран Ближнего зарубежья в Россию.

Весьма тревожным является тот факт, что среди негативных выборов высока доля ответов, связанных с нежеланием видеть среди своих друзей представителей титульных наций, проживающих на территории РФ (20,3%). Эти результаты являются отражением в подростковом сознании напряженности межнациональных отношений в России.

Среди школьников, указавших национальности, представителей которых они не хотели бы включать в ближайшее окружение, 18,6% отметили представителей стран Дальнего зарубежья.

И наконец, следует обратить внимание на то, что 8,1% московских школьников отметили нежелание включать в круг близких друзей русских. Специальный анализ показал, что, вопреки ожиданиям, не хотят включать в свое ближайшее социальное окружение русских не представители национальных меньшинств или дети от смешанных браков, а подростки русские по национальности. Причины подобного отвержения представителей собственной национальности нуждаются в более детальном анализе.

Для выявления особенностей влияния социокультурного контекста на отношение к представителям разных национальностей обратимся к сопоставлению ответов московских и рижских школьников (см. рисунок 4).

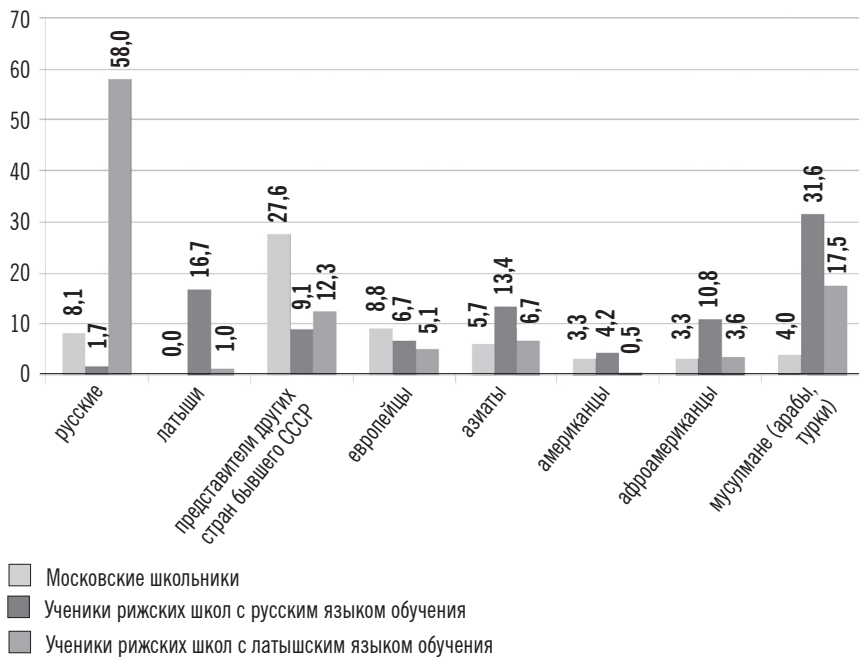

Рис. 4. Распределение ответов школьников на вопрос о том, представители каких национальностей не могли бы стать их близкими друзьями

Приведенные на рисунке 4 данные весьма показательны, поскольку позволяют выявить характерные содержательные доминанты в негативном отношении к разным национальностям для трех подгрупп респондентов. Так, значительная часть московских школьников (27,6%) не желает включать в круг близких друзей представителей стран бывшего СССР (этот факт более подробно рассматривался выше). Среди учащихся рижских школ с латышским языком обучения доминантой негативного отношения является нежелание

включать в круг своих друзей русских (58,0%). Сопоставление ответов этих двух групп, на наш взгляд, можно рассматривать как субъективное отражение межнациональных отношений в результате распада СССР. Как русские не желают включать в круг своих друзей представителей стран бывшего СССР, так и латыши фиксируют нежелание включать в круг „значимых других” представителей стран распавшегося Союза, где основной национальной группой выступали именно русские.

Ответы учеников „русских” школ Риги отражают особую ситуацию, в которой они находятся – 16,7% этих школьников отметили нежелание видеть латышей в кругу своих близких друзей, что ещё раз подчеркивает напряженность межнациональных отношений среди русских и латышей в Риге. Особого внимания требуют ответы русских школьников в Риге о нежелании включать в круг друзей представителей мусульманских стран (арабы, турки) и представителей стран Азии (преимущественно китайцы). Заметим, что такое распределение негативных ответов школьников может свидетельствовать о нежелании одних групп национальных меньшинств (в нашем случае русских) контактировать с другими группами национальных меньшинств в Латвии. Возможно, в этом проявляются своеобразные конкурентные отношения между группами национальных меньшинств.

Итак, полученные результаты ответов школьников на вопрос о возможности включения представителей тех или иных национальностей в круг друзей позволяют сделать несколько выводов.

1. Большая часть школьников не акцентирует внимание на национальности при выборе близких друзей. При этом характерно, что среди представителей национальных меньшинств и детей от смешанных браков доля тех, кто указывает на значимость национальности при выборе друзей, ниже, чем среди представителей национального большинства.
2. Симпатии и антипатии школьников по отношению к представителям разных национальностей определяются как идентификацией с той или иной группой, так и социокультурной и политической ситуацией в стране проживания. При этом современные школьники в своих национальных предпочтениях при выборе друзей сориентированы на представителей европейских стран.

* * *

Завершая статью, выделим следующие основные моменты. Результаты ответов подростков на вопросы об отношении к возможности заключения межнационального брака и о том, представители каких национальностей могли бы (или не могли) стать их близкими друзьями, показывают, что для большинства подростков национальная принадлежность не выступает в качестве барьера при установлении межличностных отношений.

Заключению брака с представителем другой национальности, по мнению подростков, препятствует ряд барьеров. Для представителей национального меньшинства характерны внешние социальные барьеры, для представителей национального большинства – внутренняя охранительная установка. Выраженная позитивная эмоциональная самоидентификация усиливает ориентацию как на внешние, так и на внутренние барьеры, препятствующие вступлению в межнациональный брак.

И наконец, обнаружен целый ряд негативных тенденций, характеризующих особенности межнациональных отношений в подростковой среде. При этом негативные установки в отношении межличностных контактов с представителями различных национальных групп в существенной степени зависят от принадлежности к национальному большинству/меньшинству и от социокультурного контекста, который определяет характер социализации подростка.

Литература

1. **Божович, Л. И.** *Этапы формирования личности в онтогенезе.* Л. И. Божович, Л. М. Семенюк, под ред. Д. И. Фельдштейна. Москва: Институт практической психологии, 1996. 551с.
2. **Выготский, Л. С.** Проблема возраста. **В кн.: Выготский, Л. С. Собрание сочинений: В 6-ти т.; Т. 4.** Москва: Педагогика, 1984, с. 244–268.
3. **Кон, И. С.** *Психология старшеклассника.* Москва: Просвещение, 1994. 192 с.
4. **Лебедева, Н. М.** Этническая толерантность в России и способы ее укрепления. **В кн.: Проблемы миграции и опыт ее регулирования в полиэтничном Кавказском регионе.** Ставрополь, 2003, с. 136–142.

5. *Проблемы толерантности в подростковой субкультуре. Труды по социологии образования*. Т. VIII. Вып. XIII. Под ред. В. С. Собкина. Москва: ЦСО РАО, 2003. 390 с.
6. **Собкин, В. С.** Сравнительный анализ особенностей ценностных ориентаций русских и еврейских подростков. Ценностно-нормативные ориентации старшеклассника. *В кн.: Труды по социологии образования*. Т. III. Вып. IV. Москва: ЦСО РАО, 1994, с. 6–63.
7. **Собкин, В. С., Буреломова, А. С.** Ценностные ориентации современного подростка. *В кн.: Труды по социологии образования*. Т. XVI. Вып. XXVIII. Под ред. В. С. Собкина. Москва: ЦСО РАО, 2011.
8. **Собкин, В. С., Глухова, Т. В., Мутерперель, С. В.** Национальная идентичность и межнациональная толерантность в подростковом возрасте. *В кн.: Возрастные особенности формирования толерантности. Труды по социологии образования*. Т. VIII. Вып. XIV. Под ред. В. С. Собкина. Москва: ЦСО РАО, 2003, с. 152–172.
9. **Собкин, В. С., Смыслова, М. М.** Эмоциональные особенности национальной самоидентификации старшеклассников (по материалам кросскультурного исследования учащихся школ Москвы и Риги). *В кн.: Труды по социологии образования*. Т. XV. Вып. XXVII. Москва: Институт социологии образования РАО, 2011, с. 59–74.
10. **Солдатова, Г. У.** *Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов*. Москва: Мысль, 1996, с. 296–366.
11. *Психодиагностика толерантности личности*. Под редакцией Г. У. Солдатовой, Л. А. Шайгеровой. Москва: Смысл, 2008. 172 с.
12. **Солдатова, Г. У.** *Психология межэтнической напряженности*. Москва: Смысл, 1998. 387 с.
13. **Стефаненко, Т. Г.** *Социально-психологические аспекты изучения этнической идентичности*. Москва: Аспект Пресс, 2000, с. 55–71.
14. **Стефаненко, Т. Г.** *Этнопсихология: Учебник для вузов*. Москва: Аспект Пресс, 2003. 368 с.
15. **Эльконин, Б. Д.** *Введение в психологию развития (в традиции культурно-исторической теории Л. С. Выготского)*. Москва: Тривола, 1994. 168 с.
16. **Bogardus, E. S.** Measuring social distance. *Journal of Applied Sociology*, 1925, Vol. 9, p. 299–308.